

Siergiej Isajew

Портрет литературоведа Аркадия Горнфельда

Polilog. Studia Neofilologiczne nr 3, 29-39

2013

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Siergiej Isajew

Nowogrodzki Uniwersytet Państwowy im. Jarosława Mądrego
Nowogród Wielki, Rosja

ПОРТРЕТ ЛИТЕРАТУРОВЕДА АРКАДИЯ ГОРНФЕЛЬДА

Ключевые слова: *литературоведческая школа, психологическая биография, автор, произведение, поэтика*

В первой же своей крупной статье Горнфельд заявит: «Жизнь мыслителя, где смены мировоззрений играют роль событий, где идейные переломы полны драматического движения, где пестрота настроений ярче и характернее самого бурного потока авантюры – такая жизнь не нуждается во внешнем разнообразии, чтобы быть в высшей степени интересной»¹. Позиция, возможно, спорная, тем не менее, она приближает к предмету, интересующему ученого и критика: он хочет, чтобы «биография поэта и мыслителя была прежде всего историей его психики, чтобы все разнообразие его образов было наглядно выведено из неисчерпаемого богатства его духовной жизни»². Идя далее, Горнфельд формулирует понятия «внешней» и «внутренней» биографии и, опираясь на них, заявляет основной ракурс своих будущих статей: «Биографией человека духа может быть лишь *психологическая биография*» (выделено нами – С.И.)³. Используя применяемые самим Горнфельдом термины, отметим, что его жизнь внешне крайне скудна, внутренняя – богата событиями, как и его труды, и содержится в последних.

Горнфельд родился в семье нотариуса, учился в Симферопольской гимназии. С 1886 по 1891 г. обучается на юридическом факультете Харьковского университета. Одновременно на филологическом факультете слушает лекции А.А. Потебни и под влиянием этих занятий определяет свою судьбу. Характерно, что уйдя из «хлебной профессии», Горнфельд, тем не менее, жизнь свою свяжет с позитивистской методологией. В 1891-1893 гг. он продолжает обучение в Берлинском университете, где посещает лекции психолога и философа М. Лацаруса. Кроме непосредственных теоретических наставников, среди своих учителей Горнфельд назовет А.Н. Веселовского, Э. Целлера, К. Германа, М. Дессуара, Х. Штейнталя.

¹ А.Г. Горнфельд, *Сочинения. О русских писателях*, т. I: *Минувший век*, Санкт-Петербург 1912, с. 110.

² Там же, с. 110-111.

³ Там же, с. 111.

Осенью 1893 Горнфельд возвращается в Россию и, обосновавшись в Петербурге, предпримет попытку сблизиться с редакцией „Северного вестника”, однако идейные разногласия с А.Л. Волинским, заставили Горнфельда изменить свои планы. Подоплека заключалась в том, что „Северный вестник” уже был сориентирован на активное формирование нового мистического опыта, тогда как харьковские штудии и учеба в Берлине нацеливали Горнфельда на снятие с исследуемых проблем мистических напластований.

В начале 1895 г. Горнфельд благодаря П.П. Перцову знакомится с редакцией журнала „Русского богатства”, который с переходом в 1893 г. в руки народников либерального направления становится одним из популярнейших журналов России. В отделе критики „Русского богатства”, кроме Н.К. Михайловского, не было очень ярких фигур (отдел заполняли статьи М.А. Протопопова и А.Е. Редько). Под руководством самого Михайловского журнал активно боролся с марксизмом, а в области философии незаметно сближался с неопозитивизмом (в журнале принимал участие один из первых российских эмпириокритиков В.В. Лесевич). Эта атмосфера притягивала Горнфельда. Доброжелательная оценка Н.К. Михайловским представленной на пробу статьи *Забывтый писатель* (об И.А. Кущевском) откроет ему двери редакции, и позже он назовет Н.К. Михайловского одним из своих наставников. Взаимоотношения с „Русским богатством” также окажутся непростыми. Иносказательно Горнфельд воспроизводит их в статье *Поль-Луи Курье* (1898): «...скептик, духовный аристократ, индивидуалист и эстет оказывается в лагере “борьбы за правду” и народные интересы»⁴. При определенном несходстве политики журнала с устремлениями молодого критика работа в „Русском богатстве” все же не потребовала от Горнфельда неоправданных компромиссов. Горнфельд не стремился к крайностям, хотя его одинаково привлекали и «эстетика Глеба Успенского» и «поэтика Тютчева», и «великий реалист» Л. Толстой и «великий идеалист» Ф. Шиллер. Знакомство с „Русским богатством” способствовала раскрытию основного свойства его душевного мира – жажды согласованности, которая проистекала не из потребности сгладить и затушевать противоречия, но органически их разрешить. В дальнейшем на протяжении своего творческого пути Горнфельд оставался в русле проблем психологической школы, но не стал ее доктринером. Год от года он становился исследователем и критиком, легко адаптирующим открытия своих современников, не превращаясь при этом в беспринципного эклектика.

После смерти в 1904 г. Михайловского во главе „Русского богатства” остается один В.Г. Короленко, который вводит Горнфельда в состав редакции журнала и делает своим помощником по отделу беллетристики и критики. На этом этапе именно статьи Горнфельда определяют литературно-критическое лицо „Русского богатства”. Завоевав место и укрепив авторитет в „Русском богатстве”, Горнфельд налаживает сотрудничество со многими ведущими и второстепенными журналами. Показателем не только экстенсивности творческой энергии молодого автора, но и глубины его мысли могут послужить приведенные ниже факты, фиксирующие стремительное продвижение от формы, обозначающей начало ли-

⁴ М.Г. Петрова, *Горнфельд А.Г.*, [в]: *Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь*, т. 1, Москва 1989, с. 637.

тературоведческого пути⁵, к форме, удостоверяющей определенное признание – к собранию сочинений. Он сотрудничает с „Бодрым словом”, ежемесячным, иллюстрированным „Журналом для всех”, русско-еврейским журналом „Восход” (издатель А.Е. Ландау), газетой „Сын отечества”, а также журналами „Артис”, „Товарищ”, „Наша жизнь”; принимает участие в сборниках *На славном посту*, *Куда мы идем?*, *На Западе*, включается в шумную дискуссию «Вокруг Достоевского и Горького». Одна за одной появляются его снабженные великолепным научным аппаратом статьи, посвященные русской и зарубежной литературе. Тогда же Горнфельд – активный автор *Энциклопедического словаря* Брокгауза и Ефрона, где помещает значительное количество мелких и ряд крупных статей: *Поэтика*, *Словесность*, *Эволюция литературы*. Его имя среди авторов продолжающегося харьковского издания *Вопросы теории и психологии творчества*. В эти же годы принимает участие в изданиях С.А. Венгерова и Д.Н. Овсянико Куликовского. В первом случае со статьями *Моцарт и Сальери* в собрании сочинений А.С. Пушкина (в 6 т.) и *Федор Сологуб* в научном издании *Русская литература XX века (1890-1910)*; во втором – по предложению Д.Н. Овсянико-Куликовского – пишет раздел *На пороге двойного бытия. (Ф.И. Тютчев)* в *Истории русской литературы XIX в.* Первые итоги подведены в начале 1910-х г., когда издательство «Просвещение» приступит к печатанию собрания сочинений Горнфельда в серии „Всемирная библиотека русских и иностранных писателей”⁶.

Несмотря на приостановку этого издания на первом томе, само его появление было симптоматично: это не сборник статей, расположенных хронологически, а книга, построение которой отвечает определенному замыслу. Не все материалы «минувшего века», связанные с творчеством Тютчева, С.Т. Аксакова, Кушечевского, Гоголя, Пушкина, Некрасова, Успенского, Л. Толстого, формируются в ней как «биографии», а только в связи с тремя первыми именами. Три судьбы – три психологических загадки. Если анализ внутреннего пути, проделанного Кушечевским, отвечает на вопрос, почему форма нашумевшего романа, созданного одаренным выходцем из низов, не выдержала испытания временем, а ее автор был вытеснен на периферию литературного процесса, то «биография» Аксакова – пример чудесно-неожиданного превращения второстепенного пожилого автора в классика. Обе «психологических истории» превращены в историю сознаний, в описание моделей становления одаренных личностей. Жизнь и творчество Тютчева заставляет автора книги сформулировать вопрос о причинах двойственности бытия и человеческой натуры. Выявление новых принципов «биографического» анализа в книге сопряжено с прояснением теоретических задач в подходе к методу и стилю («Но ведь не об этом идет речь, а именно о структуре этих первоначальных образов, о том новом способе видеть и изображать жизнь, который создало – или, вернее, лишь закрепило – творчество Гоголя в русской литературе»⁷), а также с обнажением литературно-критических симпатий («Жизненный опыт Гоголя и Достоевского для нас достовернее жизненного опыта Брюсова и Перцова...»⁸).

⁵ Тема первого выступления Горнфельда в печати – знакомство с Потебней и его идеями. А.Г. Горнфельд, *О лекциях А.А. Потебни. Из воспоминаний бывшего слушателя*, [в]: *Памяти А.А. Потебни*, Харьков 1892.

⁶ А.Г. Горнфельд, *Сочинения. О русских писателях...*

⁷ Там же, с. 146.

⁸ Там же, с. 142.

В эти же годы Горнфельд как теоретик проводит резкую разделительную черту между старыми и новыми научными взглядами на задачи литературной науки. Свою позицию он возводит к «новейшим» завоеваниям методологии, среди которых особо выделены: историзм (как общий принцип) и, соответственно, необходимость связи с историей литературы, и далее – к опоре на язык и лингвистику, внимание к истории текста, к его филологическому исследованию. Заявленная позиция отрицает нормативный и имманентно-эстетический подходы, привлекая внимание к истории литературы и лингвистике: «Историческое направление, господствующее во всех областях знания, отражается и на поэтике, и она, впервые за свое многовековое существование, вступает не во внешнюю, а в глубокую органическую связь с историей литературы и языка»⁹. Для Горнфельда сравнительное изучение литературы как продолжение исторического – еще одно новое слово в науке. Показательно, что для него это тот же исторический метод, «только учащенный, повторенный в параллельных рядах, в видах достижения возможно полного обобщения»¹⁰. В заявленных требованиях отражается первая стадия перехода гуманитарного знания второй половины XIX в. от статике к идее развития и прогресса, которая «слишком глубоко внедрилась в мысль современного исследователя, чтобы возможно было какое-либо научное направление, не считающееся с нею». Внимание к зарождению того или иного явления как к предварительному условию его существования предполагает, как и для многих современников Горнфельда, предпочтение процесса и средств исследования результатам: «В приемах изучения неизмеримо более, чем в их результатах, сосредоточено для самого автора значение его работ»¹¹. Сам Горнфельд возводит проповедуемые принципы к исканиям XVIII столетия, непосредственно же, имея в виду литературоведение, опирается на Гервинуса и Штейнтала. Нацеленность на процесс делает понятным, почему Горнфельда часто волнуют не выводы полемизирующих с ним оппонентов, которые он мог не оспаривать, а используемые доводы. «Не то дорого знать, что земля круглая, а дорого знать, как дошли до этого», – апеллирует он в связи с этим к словам Л. Толстого.

Исходя из теоретических положений Потебни и Веселовского, Горнфельд определенно заявляет, что история литературы не должна быть *историей идей*, даже если они исследуются на материале литературы. В статье *Эволюция литературы* литературоведение предстает как «история литературных средств выражения мысли, история формы»¹². Объясняя это важным положением, Горнфельд мотивирует его тем, что «история идей есть область слишком самостоятельная, чтобы вводить ее в историю литературы», и поэтому последняя «должна заниматься только развитием приемов словесного воплощения идей...»¹³. В связи с важностью обсуждаемого положения уточнено: если «для исследования разви-

⁹ А.Г. Горнфельд, *Поэтика*, [в]: Брокгауз и Ефрон, *Энциклопедический словарь*, т. XXIV, Санкт-Петербург 1898, с. 832.

¹⁰ А.Г. Горнфельд, *Словесность*, [в]: Брокгауз и Ефрон, *Энциклопедический словарь*, т. XXX, Санкт-Петербург 1900, с. 397.

¹¹ А.Г. Горнфельд, *Сочинения. О русских писателях...*, с. VI.

¹² А.Г. Горнфельд, *Эволюция литературы*, [в]: Брокгауз и Ефрон, *Энциклопедический словарь*, т. XL, Санкт-Петербург 1904, с. 139-140.

¹³ Там же.

тия литературных форм нельзя обойтись без изучения идей, то, конечно, оно должно быть сделано; но в науке истории литературы это не цель, а средство»¹⁴. В связи с высказанными условиями уточняется специфика предмета литературоведения: «...история литературы имеет предмет изучения особый, ей одной свойственный», так как она есть «история “литературного сгущения мышления”, то есть создания новых словесных форм для выражения идейного содержания»¹⁵. Интерес к специфике художественного познания делает очевидной последовательность в понимании того, что истории языка «также изучает эволюцию форм и орудий выражения и концентрации мысли, но более простых»¹⁶. Все вместе позволяет Горнфельду выделить и определить структурные уровни художественного произведения, не придавая при этом самому порядку перечисления какого-либо особого значения: «За языком следуют элементарные формы поэтического и эмоционального выражения – так называемые тропы, фигуры и обороты, затем литературные роды и виды, стих и стиль, наконец, сюжеты и темы, образы и типы, характеры и положения»¹⁷.

Сам момент жесткой встречи старого и нового в эволюции средств выражения для Горнфельда не является источником вдохновения, т.к. в этом моменте не так важна борьба, сколько преемственность. Конфликт, оказавшийся в начале XX столетия в центре внимания формальной школы, Горнфельд воспринимает мягко, склоняясь к синтезирующему способу его разрешения. В статье *Эволюция литературы* подчеркнуто, что процесс развития в литературе «совершается посредством творческой модификации готовых элементов; творчество орудует обязательными формами традиции, опираясь на которые, создает новые формы, новые категории мышления, новые орудия апперцепции»¹⁸. В позиции Горнфельда довлеет положение Потебни о том, что в апперцепции старое, открытое, постигнутое становится объяснением нового, еще только познаваемого.

Другая сторона специфики художественной литературы связана с пониманием «внутренней формы» слова. Потебня, «созерцая движение слова в воспринимающем сознании, пытался прежде всего постичь взаимоотношение структурных элементов самого слова и самого текста»¹⁹. Считается, что ученики Потебни (Овсянко-Куликовский, Лезин, Горнфельд и др.) «не пошли в этом направлении», уклоняясь к решению иной задачи – изучению душевного склада поэта. «Теорию возникновения и восприятия слова и текста ученики Потебни расширили до зыбких пределов “психологии творчества”»²⁰. И в самом деле, обоснованные Потебней понятия «внешней» и «внутренней» формы слова/ произведения, у Горнфельда преобразованы во «внешнюю» и «внутреннюю» *биографию автора/ произведения*. По Горнфельду, в «общем облике поэта различные стороны его

¹⁴ А.Г. Горнфельд, *Словесность...*, с. 397.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ А.Г. Горнфельд, *Эволюция литературы...*, с. 139-140.

¹⁸ Там же.

¹⁹ А.П. Чудаков, *Предисловие*, [в]: Ю.Н. Тынянов, *Поэтика. История литературы. Кино*, Москва 1977, с. 503.

²⁰ Там же, с. 503-504.

существа определены для нашей мысли различными его созданиями»²¹. Согласно этому положению, автор и его произведения предельно сближаются: «Содержание художественного произведения есть содержание личности художника»²². И тогда выходит, что душевный склад по-своему «сканируется» в тексте, и, описывая первый, исследователь своей дорогой идет к структуре текста, или же, описывая текст, может дать рентгеновский снимок авторского мира. Важно, что биография автора и текст в концепции Горнфельда не сливаются и не подменяют друг друга. Собственно биографический авторский мир – нечто иное, отличное от мира художественных произведений. «<...> Книга о писателе, написанная человеком, знавшим его и записавшим высказанные им мысли, не только кажется продолжением его произведений, дополнением к собранию сочинений, но дает его самостоятельное изображение, совпадающее с его знакомым нам обликом, основанное, однако, на совершенно иных материалах и потому по-новому убедительное»²³. Таким образом, творческая история текста может иметь свою «психологическую» проекцию – биографическую, которая представляет первую через свою, особую, траекторию – через движение и особую последовательность сменяющихся одна другую мировоззренческих позиций, идейных переломов, сопровождаемых разнообразными переживаниями. Пример такого структурирования Горнфельд дает в статье *Федор Сологуб*²⁴. В мире Ф. Сологуба выделены ключевые душевные состояния, которые одновременно структурируют мир его лирики, а лирика, в свою очередь, обуславливает модель всех творческих исканий автора. Определяющими «лирическую философию» Сологуба признаны состояния обиды, обреченности, безразличия, тоски. Их соотношение и взаимосвязь провоцируют ситуацию, в которой искусство и творчество оказываются важнейшим условием компенсации. Природа внутреннего мира автора влияет на характер условности у Сологуба: «превращения» – важнейшая составляющая его исканий. В «безмерности мечты» поэтом отыскивается возмещение за «безмерность обиды». И то, и другое неизбежно вытекает из условий нашей жизни в земной природе, и не метафизически, не сверхприродно, не сверхъестественно, но «психологически мирят нас с землею, преклоняют перед нею наши колени»²⁵. «Нечисть» в художественном мире Сологуба делает нас осведомленными о самых «глухих закоулках» души современного человека. Гротескность его героев – свидетельство их несовершенства. Отпечаток лирического оправдания жизни – в юмористическом ее изображении, где признание и отрицание сплетаются в вихре «насмешливой обыденности». В средствах отражаются и биография, и психология автора. «Обреченность» как определяющее переживание сочетается у Сологуба с чувством и сострадания, и презрения к слабым. Эти колебания выявляют переходность, а порой неподлинность убеждений, что порождает пристрастие к маскам – «прибежищу слабых». Психологический образ Сологуба завершается

²¹ А.Г. Горнфельд, *Романы и романисты*, Москва 1930, с. 20.

²² А.Г. Горнфельд, *Как работали Гете, Шиллер и Гейне*, Москва 1933, с. 19.

²³ А.Г. Горнфельд, *Романы и романисты...*, с. 62.

²⁴ А.Г. Горнфельд, *Федор Сологуб*, [в]: С.А. Венгеров, *Русская литература XX века. 1890-1910*, Москва 1914-1916.

²⁵ Там же.

в статье констатацией безвкусыя, присущей эстетическим оценкам анализируемого автора, и вытекающей из этого претенциозности, навязчивости и неуверенности. Завершая анализ, Горнфельд возвращает читателя к началам и показывает, что сложность Сологуба все-таки не идейная, а эмоциональная. Как личность он ярче своей лирики, и поэтому Сологуб интересен не тем, что открыл новые мысли, а тем, что «создал в лирике новую эмоциональную индивидуальность...»²⁶.

В 1910-е г. „Русское богатство“, вставшее на платформу «народных социалистов», теряет былую популярность. Октябрьскую революцию журнал встречает враждебно, в 1918 его закрывают. Горнфельд значится в списке лиц, которым советским правительством было предписано покинуть Россию. Однако по соображениям, лишенным идеологического подтекста (Горнфельд был инвалидом, лишенным возможности активного передвижения), ему было разрешено остаться. Лишившись постоянного заработка, занимается переводами, редакторской деятельностью. Новый всплеск творческой активности Горнфельда связан с началом 1920-х г., когда методологические искания ученых поляризуются вокруг социологической и формальной школ. Представители первой обвиняли Горнфельда в игнорировании социологической подосновы творчества, представители второй глумливо сравнивали его с адмиралом Макаровым, который, совершив научную экспедицию на ледоколе, прославился тем, что ничего не открыл²⁷. На этом этапе Горнфельд – автор важных для понимания целостной картины отечественного литературоведения работ: *Научная глоссология* („Парфенон“. Сб. 1. Санкт-Петербург 1922), *Художественное слово и научная цифра* („Боевые отклики на мирные темы“, Ленинград 1924) – обе об А. Белом-исследователе, *Д.Н. Овсянко-Куликовский и современная русская критика* („Вопросы психологии и теории творчества“, VII, 1923), *А.А. Потебня (Боевые отклики на мирные темы, Ленинград 1924)*. Позиции психологической школы просматриваются в его книге: *Новые словечки и старые слова* (1922), *Пути творчества* (1922), *Боевые отклики на мирные темы* (1924). В 1927 г. переиздается книга *Муки слова*. В 1930-е годы представляет на суд читателей литературно-критические статьи прежних лет о западноевропейской литературе в книге *Романы и романисты* (Москва 1930), в начале 1930-х г. выпускает книгу *Как работали Гете, Шиллер и Гейне* (Москва 1933), в которой, используя бахтинскую полемику с формальной школой, рассмотрит роль и функции «материала, формы и содержания» в творческой лаборатории писателя. В 1935 г. совместно с Э.Л. Радловым переводит на русский язык теоретические работы по философии и эстетике Фр. Шиллера, совместно с А.А. Сидоровым готовит к ним примечания (Шиллер Фр. *Статьи по эстетике*, Москва-Ленинград 1935). За два года до завершения жизненного пути обратится к типичной для формальной школы проблеме «архитектура и конструкция» произведения, рассмотрев ее с точки зрения «психологической биографии» (*Чеховские финалы*, „Красная новь“ 1939, № 8-9), дав еще один пример (из многих возможных) ассимиляции методологий.

«Психологическая биография», интересовавшая Горнфельда, предполагает проникновение *внутрь* изучаемого объекта – в сознание писателя. Одновременно

²⁶ Там же.

²⁷ См.: „Леф“ 1924, № 1, с. 152-153.

это требование распространяется и на воспринимающего субъекта, будь он просто читателем или подготовленным исследователем. Произведение, будучи завершенным, «отрешается от творца», освобождается от его воздействия, превращаясь в «игралище исторической судьбы», так как становится «орудием чужого творчества: творчества воспринимающих»²⁸. История произведения «после его создания» также видится Горнфельдом в ракурсе «биографии», предполагающей, как и авторская биография, «постоянную смену... новых смыслов, новых понятий», которые, однако, диалектично «восходят к автору, к его духовному миру, к его замыслу <...>, к содержанию, бессознательно вложенному им в его образы»²⁹. Избранный ракурс сопоставим с подходом к словесному художественному произведению, интересовавшему российских неокантианцев (Шпета, Лосского, Энгельгардта) как феноменологическое бытие «динамичной системы становящейся мысли» в воспринимающем сознании. В ином аспекте «внутренняя биография» Горнфельда также сопоставима с символистской мистической моделью творчества, согласно которой анализ должен быть направлен на то, как происходит «оживление» мертвого груза человеческого опыта, осуществляемого постижением сверхсмысла и движения из «небытия» к культуре. Однако для позитивно мыслящего представителя психологической школы «бессмертие великих творений» не являлось ни «некой отвлеченностью», ни «неким мистическим преображением»³⁰. Для Горнфельда важно, во-первых, понять, как в произведении выразилась «внутренняя» личность автора и, во-вторых – как новые события восприятия «преобразуют» использованную «твердо» установленную форму. Обе плоскости обусловлены тем, что позитивные требования науки обязывают перевести «святые» аспекты творчества в плоскость реального взаимодействия нового поколения с «живительной мыслью поэта», «видоизменяя и обогащая содержание в пределах той неизменной формы, которую создал для своей мысли писатель»³¹.

Как и его коллеги по Харьковской школе, Горнфельд понимает творчество как «сбережение» и экономию сил. Вместе с тем, увлекавший харьковцев научный мотив у Горнфельда, в сущности, обозначает акт сознания – возведение частного к общему («Мыслить, значит связывать отдельное явление с рядом других, уже существующих в сознании <...>»³², что в плане художественного творчества ведет к следующему: «К тому, что возникло в воображении самопроизвольно», присоединяются формы, «добытые от него сознательным усилием, выбором, сосредоточением внимания»³³. Характеризуя теоретические взгляды Гете, Горнфельд, по существу, примиряет сознательный и бессознательный виды творчества: «Решительный сторонник теории, отводящей стихии внесознательного основную роль в творчестве, он, однако, без всякой непоследовательности, являет-

²⁸ А.Г. Горнфельд, *О толковании художественного произведения*, „Вопросы теории и психологии творчества” 1912, т. VII.

²⁹ Там же.

³⁰ А.Г. Горнфельд, *Романы и романисты...*, с. 62.

³¹ Там же.

³² А.Г. Горнфельд, *Из статьи „Муки слова”*, „Вопросы психологии и теории творчества”, т. I, изд. 2-е, Харьков 1911, с. 188.

³³ А.Г. Горнфельд, *Как работали Гете, Шиллер и Гейне...*, с. X.

ся величайшим учителем словесности. Обучать, правда, можно только тому, что происходит в пределах отчетливого сознания, но здесь нет никакого противоречия»³⁴. Нет, потому что для Горнфельда дифференциация явлений означает также и путь к их согласованию: «Как бы ни смотрели мы на возникновение первичного замысла в художнике, какую бы, например, ни проводили мы исчерпывающую аналогию между внеконтрольным появлением живых образов в сновидении и интуитивным воображением художника, мы не можем отрицать основную между ними разницу: сновидение не подвластно воле, подлинное же творчество в состоянии бодрствования ею регулируется и направляется к определенной цели... Можно сказать, что и самая обработка художественного произведения, которая есть постепенное осознание его будущего облика, начинается лишь с участия отчетливого размышления в процессе создания»³⁵. Обобщение (а значит и экономия) «совершается не только в высших формах сложных поэтических произведений, но и в элементарных формах поэтического мышления, т.е. в поэтических элементах языка». Горнфельд продемонстрировал это положение, показав, насколько значимым может оказаться выбор автором фамилии или имени даже для второстепенного персонажа. Так, в статье *Об одной фамилии у Л. Толстого* он обращает внимание на фамилию Халтюпкина, которую в разговоре о социалистах и революционерах называет персонаж романа *Воскресение* графиня Екатерина Ивановна Нехлюдова: «<...> Халтюпкина какая-то хочет всех учить <...>» Горнфельд с опорой на этимологию раскрывает предусмотренный Л. Толстым сатирический подтекст, заключенный в значении корня и флексий названной фамилии: «Было, несомненно, что-то в русском пра-языке, заставлявшее на ощущение грубого, неотесанного, наглого отзываться эмоциональным слогом *хал*, и эта междуметная молекула легла в основу ряда слов, и она в скрытом виде трепещет в подсознательных слоях души русского человека...»³⁶.

На подтекст, по Горнфельду, работает и суффикс «тю», которым тюкают, когда хотят посмеяться и т.п. Определяя границу между персонажным и авторским, Горнфельд заключает: «И Лев Толстой не спорит с тетушкой, предоставляя ей коснеть в ее художественно законченных, органических, для политика возмутительных, а для историка и психолога восхитительных предрассудках»³⁷.

Вместе с тем, внимание к становлению и инструментальности у Горнфельда не просто «необходимое условие сознательного стремления к теоретической истине»³⁸, но также принцип этики. Он убежден, что техника анализа как таковая, какие бы оттенки она ни приобретала, сама по себе не исчерпывает позиции ученого. О себе он мог бы сказать то же, что сформулировал для Лессинга, который «до конца понял все нравственное и образовательное значение самостоятельного мышления и критического отношения к миру унаследованной традиции»³⁹.

Горнфельд, в рабочем багаже которого унаследованные взгляды предшественников на индивидуальное и массовое, «отказывается видеть в поэзии произ-

³⁴ Там же, с. IX.

³⁵ Там же, с. IX-X.

³⁶ А.Г. Горнфельд, *Сочинения. О русских писателях...*, с. 259.

³⁷ Там же, с. 260.

³⁸ А.Г. Горнфельд, *Как работали Гете...*, с. VI.

³⁹ А.Г. Горнфельд, *Романы и романисты...*, с. 18.

вольное порождение индивидуального творчества и переносит ее изучение в новую область групповой психологии»⁴⁰. Социальность как принцип включения во всеобщие связи вновь выводит концепции Горнфельда к мысли о приобщении к традиции: «Исследование личного творчества должно <...> опираться на данные литературной истории – историю поэтической речи, стиля, сюжетов, господствующих форм; лишь тогда, когда будет проделана вся эта предварительная работа <...>, можно будет перейти на почву индивидуальной психологии и здесь решать вопрос о степени и характере личного почина в данном творческом акте»⁴¹. Возможно, внимание к социальным аспектам методологии в духе идей либерального народничества при встрече Горнфельда с редакцией „Русского богатства” и подтолкнуло его к проблеме *второстепенных авторов*, к истории литературы, не перескакивающей от гения к гению («изучать нужно не показных творцов истории, бессмертных в своих произведениях, но те громады бесконечно малых величин, из которых великие произведения составились...»⁴²), что позволило его работам стать связующим звеном между культурно-исторической школой, сравнительным литературоведением и исканиями начала XX столетия.

Библиография

- Горнфельд А.Г., *О лекциях А.А. Потебни. Из воспоминаний бывшего слушателя*, [в]: *Памяти А.А. Потебни*, Харьков 1892.
- Горнфельд А.Г., *Поэтика*, [в]: Брокгауз и Ефрон, *Энциклопедический словарь*, т. XXIV, Санкт-Петербург 1898.
- Горнфельд А.Г., *Словесность*, [в]: Брокгауз и Ефрон, *Энциклопедический словарь*, т. XXX, Санкт-Петербург 1900.
- Горнфельд А.Г., *Эволюция литературы*, [в]: Брокгауз и Ефрон, *Энциклопедический словарь*, т. XL, Санкт-Петербург 1904.
- Горнфельд А.Г., *Из статьи „Муки слова”*, „Вопросы психологии и теории творчества”, т. I, изд. 2-е, Харьков 1911.
- Горнфельд А.Г., *Сочинения. О русских писателях*, т. I: *Минувший век*, Санкт-Петербург 1912.
- Горнфельд А.Г., *О толковании художественного произведения*, „Вопросы теории и психологии творчества” 1912, т. VII.
- Горнфельд А.Г., *Федор Сологуб*, [в]: С.А. Венгеров, *Русская литература XX века. 1890-1910*, Москва 1914-1916.
- Горнфельд А.Г., *Романы и романисты*, Москва 1930.
- Горнфельд А.Г., *Как работали Гете, Шиллер и Гейне*, Москва 1933.
- „Леф” 1924, № 1.
- Петрова М.Г., *Горнфельд А.Г.*, [в]: *Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь*, т. 1, Москва 1989.
- Чудаков А.П., *Предисловие*, [в]: Ю.Н. Тынянов, *Поэтика. История литературы. Кино*, Москва 1977.

⁴⁰ А.Г. Горнфельд, *Поэтика...*, с. 832.

⁴¹ Там же.

⁴² А.Г. Горнфельд, *Словесность...*, с. 397.

Summary

Picture of Arkadiy Gornfeld as a literature critic

The main subject of the article is a career of Arkadiy Gornfeld – representative figure of the Russian psychological school. The scientist has coined the concept of “psychological biography”. Using it, he provides analysis and evaluation of works of art and literature. The articles of Gornfeld are synthetic. They join psychological, historical and comparative methods of analyses.

Key words: *school of literary criticism, psychological biography, author, fiction, poetics*